

Научная статья
 УДК 378(571.53)(092)
 EDN IKSAFT
 DOI 10.17150/2500-2759.2023.33(2).198-208

И. МИРОНОВ: УЗНИК ОСВЕНЦИМА, СОРАТНИК Д. КАРБЫШЕВА, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ИРКУТСКОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА*

А.В. Шалак

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
17 марта 2023 г.

Дата принятия к печати
26 июня 2023 г.

Дата онлайн-размещения
30 июня 2023 г.

Ключевые слова

И.А. Миронов; Д.М. Карбышев;
концлагерь Освенцим; Иркутский
финансово-экономический
институт

Аннотация

В статье исследуются основные вехи биографии И.А. Миронова. С опорой на методологические подходы и методический инструментарий исторической дисциплины биографики анализируются основные этапы его научной и педагогической деятельности. Особую ценность данному исследованию придает факт личного знакомства и сотрудничества И.А. Миронова с Д.М. Карбышевым в плену. Поскольку из документальных свидетельств организации сопротивления в Освенциме имеются только немногочисленные воспоминания его участников, введение в оборот новых фактов можно считать важным вкладом в изучение этой темы. Одновременно проведенное микроисторическое исследование является еще одной важной страницей огромной летописи Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется периоду работы И.А. Миронова в Иркутском финансово-экономическом институте. Источниковой основой исследования послужили документы из личного архива Е.Г. Зинкова, личное дело И.А. Миронова из архива Байкальского государственного университета, а также документы из Государственного архива Иркутской области.

Original article

I. MIRONOV: A PRISONER OF AUSCHWITZ, AN ASSOCIATE OF D. KARBYSHEV, A TEACHER AT THE IRKUTSK FINANCIAL AND ECONOMIC INSTITUTE**

Alexander V. Shalak

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
March 17, 2023

Accepted
June 26, 2023

Available online
June 30, 2023

Keywords

I.A. Mironov; D.M. Karbyshev;
concentration camp Auschwitz;
Irkutsk Financial and Economic
Institute

Abstract

The article explores the main milestones in the biography of I.A. Mironov. Based on methodological approaches and methodological tools of the historical discipline of biography, the main stages of his scientific and pedagogical activity are analyzed. The fact of personal acquaintance and cooperation of I.A. Mironov with D.M. Karbyshev in captivity. Since there are only a few memories of its participants from the documentary evidence of the organization of the resistance in Auschwitz, the introduction of new facts can be considered an important contribution to the study of this topic. Simultaneously conducted microhistorical research is another important page in the vast chronicle of the Great Patriotic War. Particular attention is paid to the period of work of I.A. Mironov at the Irkutsk Financial and Economic Institute. The source basis for the study was documents from the per-

* Автор выражает искреннюю благодарность и признательность Евгению Геннадьевичу Зинкову за предоставление материалов об И.А. Миронове из личного архива, без чего подготовка и написание данной статьи оказались бы невозможными.

** The author expresses his sincere gratitude to Evgeniy Gennadievich Zinkov for providing materials on I.A. Mironov from the personal archive, without which the preparation and writing of this article would have been impossible.

sonal archive of E.G. Zinkov, personal file of I.A. Mironov from the archive of the Baikal State University, as well as documents from the state archive of the Irkutsk region.

Прошло 77 лет со дня окончания Великой Отечественной войны. Однако иногда далекое прошлое случайными фрагментами вновь возвращается и преподносит определенные уроки. Обратиться к теме статьи заставило совпадение двух событий. В стенах Байкальского государственного университета по стечению обстоятельств многие десятилетия хранились личные дела студентов и преподавателей. Эта небольшая изолированная комната, забитая папками, никого не интересовала. При очередной инвентаризации в 2022 г. на нее наконец обратили внимание. Поскольку срок хранения документов давно истек, самым простым и нехлопотным решением стало бы их уничтожение. Однако уникальность дел, отражающих историю университета с самого начала (1930 г.), пойти на подобный шаг не позволила. Была создана рабочая группа, которая приступила к сканированию и оцифровке тысяч личных дел студентов и преподавателей, которые учились и работали в университете в период с конца 1930-х по начало 1960-х гг.

Уже в процессе обработки дел пришло письмо от старшего научного сотрудника факультета журналистики МГУ, научного директора Фонда Александра Печерского М. Эдельштейна. Вместе с коллегами он работал над монографией о сопротивлении советских военнопленных в нацистских лагерях. По его данным, один из активных участников подполья в Освенциме Иван Андреевич Миронов работал до войны в стенах нашего института. Никакой информации о нем больше не было. Если бы к этому времени не началась масштабная работа с делами, все бы закончилось банальной отпиской. В университете до войны действительно работал доцент В.Т. Миронов, который с первой группой добровольцев из 38 чел. в июле 1941 г. уехал на фронт [1, с. 97]. Какие-либо дополнительные сведения о нем не сохранились. Однако в архивных документах, находившихся в обработке, обнаружили личное дело Ивана Андреевича Миронова, который приехал в Иркутск в начале 1949 г. и отработал в стенах нашего института более семи лет. Это был тот самый И.А. Миронов, о котором шла речь в запросе из МГУ. Знакомство с личным делом И.А. Миронова, с тем, что удалось найти на сайте Министерства обороны, а также с тем, что сохранили его благодарные дети и внуки в Иркутске, позволяет восстано-

вить непростую биографию этого человека: ополченца, узника Освенцима, соратника Д.М. Карбышева по организации сопротивления в концлагере, беспартийного коммуниста, не поддержавшего доклад Н.С. Хрущева с разоблачением культа личности Сталина. Данная биографическая статья — дань памяти этому человеку, сохранившему веру и стойкость, способность к сопротивлению в самых непростых условиях. Одновременно это микроисторическое исследование является еще одной страничкой огромной летописи Великой Отечественной войны.

Родился Иван Андреевич 5 мая 1907 г. в деревне Ново-Урметово Костюмкинской волости Самарской губернии в семье крестьянина-бедняка. Подробных сведений о его родителях в сохранившихся документах не имеется. По национальности — мордвин. Вероятно, население деревни состояло преимущественно из мордвин, поскольку в заполненном им личном листке по учету кадров при устройстве на работу в Иркутский финансово-экономический институт он отмечает, что «мордовским языком владеет хорошо»¹. Иван Миронов принял идеи и ценности советского строя, так как не только словом, но и делом утверждал его у себя на родине. Он являлся создателем первого кооператива в родной деревне с целью «объединить беднейших крестьян в борьбе с кулаками»². Данная политическая риторика соответствует лексикону той эпохи и находит отражение в его воспоминаниях. Знакомство с основными жизненными вехами биографии И.А. Миронова не позволяет усомниться в его «классовой позиции». В 1924 г. 17-летний Миронов вступает в ряды ВЛКСМ. После окончания педагогического техникума, в 1929 г., поступает в Ленинградский государственный педагогический институт им. Герцена, который оканчивает в 1932 г. с присвоением квалификации «преподаватель политэкономии». В последний год обучения он работал старшим ассистентом на инженерных курсах Народного комиссариата путей сообщения (НКПС). После окончания учебы И.А. Миронова направляют в качестве преподавателя политической экономии в Институт народного хозяйства Госплана РСФСР

¹ Личный листок по учету кадров // Архив БГУ. Личное дело Миронова И.А.

² Иван Андреевич Миронов // Восточно-Сибирская правда. 1966. 24 янв.

в Новосибирск, где он проработал пять лет. Институт был создан в 1929 г. и остро нуждался в квалифицированных кадрах. С сентября 1937 г. он переходит на работу в Институт военных инженеров транспорта НКПС там же, в Новосибирске. Готовили здесь не только инженеров для железных дорог, но и командиров взводов военных сообщений и службы тыла. Через год, в 1938 г., Иван Андреевич уезжает в Москву, где поступает в аспирантуру по кафедре политической экономии Планового института Госплана СССР и одновременно работает преподавателем на этой же кафедре. Темой его диссертационного исследования являлись экономические воззрения И.Т. Посошкова. Знание политико-экономических подходов позволяло И.А. Миронову не только оценить взгляды И.Т. Посошкова на петровские реформы, но и экстраполировать ситуацию на индустриализацию в СССР, извлечь определенные исторические уроки. Очевидно, что тема молодого преподавателя увлекла, и дело шло к успешной защите. Им были сданы кандидатские экзамены по историческому и диалектическому материализму, политэкономии, иностранному языку (немецкий). Однако начавшаяся война отложила защиту почти на шесть лет.

Война стала особым этапом в биографии И.А. Миронова, вместила много трагических событий и сказалась на его дальнейшей послевоенной судьбе. С 10 июля 1941 г. И.А. Миронов числится в рядах московского ополчения. Ему присвоено звание младшего лейтенанта, и он назначается командиром взвода ополченцев.

В исследовании И.Г. Суровцева [2] хорошо представлена канва конкретно-исторической ситуации, в которой действовало народное ополчение. Несомненно, что очень многие пошли в ополчение, повинувшись патристическому порыву. Особенно это относится к районам с высоким процентом учебных и научных учреждений, где работали и учились не только образованные, но и воспитанные в духе политических норм того времени люди, стремившиеся защитить Родину в час большой опасности. В штаб Московского военного округа вошло лишь небольшое количество командиров взводов формируемых дивизий народного ополчения. Недостающий командный и весь политический состав формировался за счет самих ополченцев. По линии Наркомата обороны ополченцы снабжались обмундированием и наполовину — оружием. Все остальные недостающие виды снабжения (кроме оружия) должны были выделить

районы Москвы. Ополченские дивизии не представляли собой полноценные воинские формирования. Подавляющая часть бойцов о практической военной подготовке не имела представления. Им пришлось ее осваивать на ходу. В вяземском котле погибли почти все московские дивизии народного ополчения июльского формирования. Слабо обученные и недостаточно оснащенные современным оружием ополченцы сделали все, что было в их силах. Не их вина, что они не смогли сделать невозможное. Ополченцам первой волны не было суждено остановить врага, более того, им не удалось даже заметно притормозить немецкое наступление.

В сформированной 2 июля 1941 г. 7-й Московской стрелковой дивизии народного ополчения (Бауманского района) находился младший лейтенант И.А. Миронов, командир 3-го взвода 5-й роты 21-го полка, который на передовой был переименован в 1298-й стрелковый полк. В течение июля 1941 г. ополченцы в основном использовались на строительстве оборонительных рубежей. К сентябрю 1941 г. дивизия заняла оборонительные позиции у Дорогобужа. 26 сентября она была переименована в 29-ю стрелковую дивизию. С началом октября 1941 г. дивизия покинула позиции и начала движение в направлении Юхнова для нанесения контрудара по прорвавшимся танковым частям вермахта. На 4 октября 1941 г., находясь на шоссе Ярославль — Москва, была полностью разгромлена, остатки попали в окружение под Вязьмой. К концу октября из окружения прорвались две большие группы ополченцев общей численностью примерно в 1,5 тыс. чел. К этому времени дивизия была уже расформирована.

Это внешняя канва событий, а за нею — конкретная судьба почти 15 тыс. ополченцев, находившихся в ее составе. Вот как описывает эти события и пленение в своих воспоминаниях И.А. Миронов: «Находясь в окружении, наша часть с боями пробивалась на восток. При выходе из окружения я был ранен в ногу и в ту же ночь в санитарной машине захвачен в плен. Захватили в плен потому, что наша машина внезапно налетела на немецкие части, расположенные в какой-то деревне. Шофер покинул нашу машину и сел на другую, которая успела повернуть назад. Покинутая шофером, наша машина подверглась обстрелу. Кто стрелял по нам, мы не знали. Санитар и я вылезли из машины и пошли к ближайшей избе. Когда мы открыли из темных сеней дверь, то в избе увидели немецких солдат. Тут же решили пойти к машине с ранеными, но наша машина была уже окруже-

на немцами, нас также они захватили в плен. Захватили потому, что нарвались на немцев внезапно. Спротивляться было нечем и бесполезно, не раненый был с нами только санитар, а я еле держался на ногах. ...Санитара и меня, как легкораненого (сквозное пулевое ранение в правое бедро), немцы повели в ту избу, где мы были, а тяжелораненых они расстреляли. Как только привели в избу, так сразу нас стали обыскивать, отобрали оружие, вещи и документы»³.

Думается, что какие-либо сведения вряд ли интересовали немцев в этот период. Многочисленные военнопленные и документы убитых позволяли иметь полную информацию о противостоящих им войсках московского ополчения. Ситуацию при допросе усугубило наличие у Миронова документов убитого немецкого офицера. В воспоминаниях не говорится о каком-либо конкретном участии в боевых действиях, но, возможно какие-то столкновения на этом участке шли. Большой кожаный бумажник убитого немецкого офицера ему передала группа красноармейцев еще «до попадания в плен, при атаке на немцев». В документах находилась фотография убитого офицера. Естественно, все вопросы на допросе возникли по факту его наличия. «Здесь я счел нужным сказать так, как было в действительности, так как, где был убит этот немецкий офицер и откуда взяли красноармейцы бумажник, я не знал»⁴. После допроса к дому подъехал мотоцикл, Миронова усадили в него. «Я сразу подумал, что солдату приказано отвезти меня в лес и там расстрелять»⁵.

С этого начинается 1300-дневное пребывание И.А. Миронова в немецком плену. В сохранившихся материалах есть страница, на которой он попытался обозначить те лагеря, через которые прошел. В этом списке 19 наименований. Не все из них являлись лагерями для военнопленных, часть из них были пунктами сбора пленных красноармейцев, интернированных, а также пунктами лечения раненых и заболевших.

«Записки пленного» — так Миронов озаглавил свои воспоминания. Их начало датировано 21 апреля 1950 г., т.е. без малого через пять лет после освобождения. Из вступления чувствуется, что его глубоко волнует то недоверие, которое сохраняется по отношению к бывшим военнопленным. Он признает, что это недоверие оправданно,

поскольку «отдельные военнопленные были действительно мерзавцами». Но его, как человека, прошедшего все муки этого ада и не сломавшегося, боровшегося до конца, такое отношение не могло не задевать, и потому он пишет эти воспоминания с целью оправдать тех, кто боролся до последнего: «...мне хочется рассказать о наших и врагах... и борцах против них, о фашистском чудовище... и о Советском человеке — богатыре, уничтожившем это чудовище»⁶.

Из первого большого лагеря в Западной Белоруссии возле села Глубокого в июне 1942 г. Миронов с группой военнопленных совершает побег, оказавшийся для него неудачным: он потерял очки, без которых невозможно было ориентироваться на местности.

После этого последовала череда лагерей непосредственно на территории Германии. В ней самым значительным эпизодом является нахождение И.А. Миронова с 10 октября 1943 г. по 10 августа 1944 г. в Освенциме. Здесь произошло его знакомство с генерал-лейтенантом Д.М. Карбышевым. В Освенциме Карбышева перевели из Майданека в марте 1944 г. Из карантинного лагеря его переместили в местечко Кранкенбау (лагерная больница), куда Миронова отправили работать с группой евреев. Генерала Карбышева поселили в девятом блоке, а Миронов находился в восьмом. Именно этот период нахождения в лагере и его непосредственное общение с Д.М. Карбышевым по понятным причинам получили более подробное освещение⁷ [3]. Этому факту было посвящено две небольших публикации в газете «Восточно-Сибирская правда» еще при жизни И.А. Миронова. По его воспоминаниям, инициатором встречи являлся Д.М. Карбышев. Очевидно, Карбышев обладал определенной информацией о Миронове, в противном случае вряд ли подобная встреча была бы инициирована. В воспоминаниях Миронова эпизод знакомства с Карбышевым изложен так: «Наше знакомство состоялось в рабочем лагере, в 8 блоке, где находился я и многие другие советские пленные. Д.М. Карбышев к нам пришел из 9 блока со своими адъютантами, в частности с товарищем Белоруцким, Тихоновым, Тимошенко и Назаровым»⁸.

⁶ Рукопись воспоминаний И.А. Миронова.

⁷ Человек выстоял // Восточно-Сибирская правда. 1959. 20 авг. ; На круге смертном // Мои года. 2012. 6 сент. URL: <https://moi-goda.ru/nasha-istoriya/na-kruge-smertnom> ; Судьба человека: преподаватель иркутского нархоза Иван Миронов сидел три года в концлагере «Освенцим». URL: <https://glagol38.ru/text/20-12-2022/006>.

⁸ Рукопись воспоминаний И.А. Миронова.

³ Рукопись воспоминаний И.А. Миронова // Личный архив Е.Г. Зинкова.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Общение с Д.М. Карбышевым продолжалось все лето. По приглашению Карбышева Миронов стал регулярно посещать девятый блок. Беседы проходили на втором ярусе нар. «Так ходил к ним все лето и продолжал с ним разговаривать по тем или иным вопросам. Иногда мне удавалось на работу не ходить, оставался с ним, и мы целыми днями говорили о тех или иных делах. ...Мы много говорили о... фашизме, о войне, о том, кто победит, как мы жили до войны, как будем жить после...» Отношения между ними, судя по воспоминаниям И.А. Миронова, сложились вполне доверительные, несмотря на солидную разницу в возрасте. В воспоминаниях содержится версия попадания Карбышева в плен, а также некоторые детали его семейной жизни. Речь идет о поступлении в военно-морское училище его дочери. Причем Карбышев не скрывал, что он лично просил за нее. «Поскольку она была девушкой, то в военно-морское училище ее не принимали. Тогда к начальству пришел сам Карбышев, поговорил с ними о том, что она с детства интересовалась военно-морским делом, и просит он их принять ее в училище. Она была принята в военно-морское училище, где училась отлично»⁹. Речь в данном случае идет о дочери Карбышева Елене, которая закончила Высшее инженерно-техническое Краснознаменное училище Военно-морского флота. Это был первый случай обучения женщины в военно-морском училище. О других детях Д. Карбышева в воспоминаниях Миронова информации не имеется.

Воспоминания И.А. Миронова корреспондируются с документальной повестью Е.Г. Решина о генерале Д. Карбышеве, изданной в 1987 г. В частности, автор этого исследования пишет: «Подолгу беседовал Дмитрий Михайлович с Мироновым, которого называли «профессором»: он был всесторонне образованным человеком...» Автор также отмечает, что после тяжелой болезни с целью восстановления Карбышев «после завтрака совершал вместе с Мироновым длительную прогулку по лагерю, продолжающуюся до обеда» [4].

Д.М. Карбышев был убежден, что перед освобождением военнопленных Красной Армией нацисты постараются уничтожить лагерь, поэтому главная задача на данном этапе состояла в том, чтобы не допустить осуществления подобных планов. Для этого требовалось установить связь между лагерями, а также с польскими партизанами, усилить аги-

тацию, а главное, добыть оружие. Последнее было самым трудным. Часть военнопленных работала на разборке уничтоженных самолетов, на которых размещались авиационные пулеметы. Однако снять громоздкие пулеметы и тайно переправить их в другое место было крайне сложно. Второй вариант был связан с заводом «Буна», где производились в том числе и взрывчатые вещества. Работали там только женщины. Для реализации этого плана было принято решение связаться с ними, чтобы с их помощью попытаться достать порох для изготовления самодельных гранат. Выполнение этой самой ответственной задачи было поручено Миронову, вместе с командой работавшему на укладке дорожной плитки как раз в том секторе, где проживали женщины. Он связался с А. Триндой, которая вместе с Марией Ясинской и Анной Шабаловской руководила женским подпольем. Порох женщины должны были передавать зондеркоманде, работавшей в крематории. Осуществить этот план не удалось.

В ряде газетных публикаций, посвященных Миронову, эпизод восстания излагается в версии, согласно которой в момент восстания он находился непосредственно в лагере. Однако если опираться строго на воспоминания Миронова, то станет ясно, что намного раньше начала неудавшегося восстания его отправили в другой лагерь, расположенный в районе г. Флоссенбург, в Баварии, на границе с современной Чехией. Так что быть очевидцем происходившего он не мог. Но то, что он был среди активных его организаторов, сомнений не вызывает, как и то, что под руководством Д.М. Карбышева создавалась разветвленная организационная сеть, готовившая восстание к моменту прихода частей Красной Армии. Позднее один из руководителей женского подполья Освенцима Анна Тринда рассказывала, что информацию о подготовке восстания и предложение возглавить его в женском лагере она получила от Миронова. Группы военнопленных лагеря Биркенау привозили на работы в женский лагерь. Встреча была организована через военнопленного этого лагеря К. Петрова, с которым была знакома А. Тринда. Миронов прибыл в женский лагерь в составе одной из таких групп военнопленных. Встреча состоялась в бараке для медицинских служащих. А. Тринда затем познакомила Миронова и с другими активистами женского подполья — А. Гришко и Н. Харламовой. По ее воспоминаниям, это был «высокий человек в очках и засаленной красноармейской пилотке», который «пытливо смотрел сквозь стекла оч-

⁹ Рукопись воспоминаний И.А. Миронова.

ков» [5, с. 271–272]. А. Тринда в своих воспоминаниях ничего не пишет о Д. Карбышеве. Скорее всего, в целях конспирации И. Мионов на встрече информацию о руководителях готовившегося восстания не разглашал.

Определенные связи между членами подполья сохранялись и в послевоенный период. По крайней мере, в своих воспоминаниях, опубликованных в 1961 г., А. Тринда перечисляет выживших и вернувшихся в Советскую Россию участников освенцимского подполья, в том числе и Миронова: «И.А. Мионов сейчас в Иркутске. Он научный работник» [там же, с. 277]. Позднее книгу Миронову подарили. На ее обложке автор оставила надпись: «Дорогому Ивану Андреевичу, товарищу по тяжелой доле и борьбе. Анна Тринда». Следует отметить, что в ряде публикаций А. Тринда именуются француженкой, что не соответствует действительности: до плена она проживала в небольшом белорусском городке Коссово и после освобождения вернулась туда же.

После Освенцима И.А. Мионов побывал еще в двух лагерях: до 11 ноября он находился во Флоссенбурге, а затем его перевели в Лейтмериц (Судетская область, Чехословакия). Там 8 мая 1945 г. и произошло его освобождение. Затем освобожденных интернациональных узников переместили в бывший нацистский концентрационный лагерь Терезиенштадт, располагавшийся в Чехии, а с июня по сентябрь 1945 г. он находился на проверке в спецлагере № 4 для интернированных в Баутцене, недалеко от Дрездена. Возвращение на родину произошло в сентябре 1945 г., причем ему несколько дней разрешили побыть дома. Проверка закончилась 24 ноября 1945 г. уже на территории Казанского военного округа. Только после тщательного разбора всех обстоятельств нахождения в плену И.А. Миронова восстановили в воинском звании и мобилизовали на общих основаниях.

С января 1946 г. он полтора года преподает в Московском государственном экономическом институте, где в течение года завершает работу над кандидатской диссертацией по теме «Экономические воззрения И.Т. Посошкова». 17 апреля 1947 г. состоялась ее защита. Оппонировали диссертанту профессор И. Бак и доцент М. Ваннэ¹⁰. Выписка об этом за подписью председателя совета института Верещагина оформлена 25 апреля 1947 г.

¹⁰ Выписка от 25 апреля 1947 г. из протокола № 13 заседания совета Московского государственного экономического института от 17 апреля 1947 г. // Личный архив Е.Г. Зинкова.

Однако диплом кандидата наук за номером МЭК № 00379 был выписан спустя почти два года — 29 марта 1949 г.¹¹ Очевидно, процесс утверждения в отношении него шел совсем не просто, собирались и перепроверялись данные относительно его нахождения в плену. Косвенным подтверждением этого являются сохранившиеся письма-свидетельства тех, кто знал И.А. Миронова по плену. Они имеют отношение к периоду от защиты до присвоения ему ученой степени. Сам И.А. Мионов занимался сбором свидетельских показаний или они попали к нему какими-то другими путями, неизвестно.

Отзыв Батуна Георгия Павловича о Миронове датирован 18 мая 1947 г. Батун был арестован гестапо в 1942 г. как участник минского подполья. В этом же году его из тюрьмы перевели в Освенцим. Здесь в декабре 1943 г. он и познакомился с Мироновым. Причем очевидно, что к этому времени уже существовала определенная сеть Сопротивления, поскольку знакомство состоялось не напрямую, а через посредников в лице С.Ф. Балицкого и Н.С. Кузнецова. Г.П. Батун характеризует А.И. Миронова как «хорошего, выдержанного, стойкого и преданного делу рабочего класса», твердо верящего «в неминуемую победу русского народа». По его словам, Мионов «принадлежал к группе ведущих русских патриотов в концлагере», поддерживал связь с лучшими коммунистически настроенными заключенными, а также занимался агитационной работой среди узников концлагеря. При этом Батун был уверен, что Мионов является коммунистом¹².

25 мая 1947 г. был получен ответ от Самсонова Семена Ивановича, который также попал в плен под Вязьмой и в июле 1942 г. оказался в «том инквизиторском концлагере», где находился И. Мионов. Самсонов был с ним в одной «палате» до 10 августа 1942 г., пока его не перевели из Пальвари в лагерь 304 в Германии. С.И. Самсонов характеризует Миронова как «выдающегося мастера слова и искусного агитатора». Вокруг него возник кружок: Мионов рассказывал об истории страны, ее полководцах, неизбежной победе СССР над фашистской Германией. Характеризуя Миронова за эти три месяца, Самсонов пишет, что Мионов — «настоящий гражданин Советского Союза»¹³.

¹¹ Диплом кандидата наук МЭК № 00379, Москва, 29 марта 1949 г. // Личный архив Е.Г. Зинкова.

¹² Отзыв Батуна Георгия Павловича от 18 мая 1947 г. // Там же.

¹³ Письмо Самсонова Семена Ивановича от 25 мая 1947 г. // Там же.

Еще одно важное свидетельское показание представляет собой письмо Альфреда Фидеркевича, члена коммунистической партии с 1925 г., «а в настоящее время члена польской партии рабочих», от 20 ноября 1947 г. Он пишет о Миронове, что «был он хорошим русским патриотом, товарищем и много сделал в лагере». В своем кругу они его называли «профессор из Москвы»¹⁴. Свидетельство А. Фидеркевича имело серьезный политический вес. Он являлся активным участником подполья в Освенциме, был также знаком с Д.М. Карбышевым. После освобождения находился на дипломатической работе в Лондоне, Монреале, Будапеште. Его отзыв на Миронова написан на официальном бланке посольства Польши в Будапеште. В 1965 г. в Польше были изданы его мемуары «Бжезинка — Биркенау», которые нашли отражение в уже упомянутой документальной повести Е.Г. Решина о генерале Карбышеве [4]. Послевоенная жизнь Ивана Андреевича складывалась совсем непросто. После защиты диссертации он дорабатывает учебный год в Московском экономическом институте, а затем его направляют в Самарканд старшим преподавателем Узбекского института народного хозяйства. По окончании учебного года его от работы освободили. Формальная причина увольнения — отсутствие нагрузки. Затем, уже после начала учебного года, он устраивается в Саратовский экономический институт преподавателем экономики промышленности. Времени на подготовку нового курса не было, поэтому с его освоением возникли проблемы. Заведующий кафедрой, на которой работает И. Миронов, предлагает использовать его на проведении семинарских занятий. Против этого выступает директор института, который уже трудоустроил другого. В итоге от работы его отстраняют. Положение И.А. Миронова сложное: к этому времени у него в семье трое детей (дочери Дина и Ирина, сын Евгений) и больная жена.

Найти новое место работы он не может и 19 ноября 1948 г. отправляет письмо на имя председателя Президиума ВС СССР Н.М. Шверника. Как пишет Миронов, причиной увольнения послужил факт его нахождения в плену. Он не возражает против того, что плен может являться основанием для отстранения от преподавания политической экономии, и просит использовать его в качестве преподавателя по одной из смежных дисциплин¹⁵. 11 декабря 1948 г. следует об-

¹⁴ Письмо Альфреда Фидеркевича от 20 ноября 1947 г. // Личный архив Е.Г. Зинкова.

¹⁵ Письмо И.А. Миронова от 19 ноября 1948 г. председателю президиума Верховного Совета СССР Н.М. Швернику // Там же.

ращение председателя ЦК профсоюза работников высшей школы и работников научных учреждений В. Смирнова на имя начальника Главного управления экономических вузов Министерства высшего образования СССР. В письме отмечается, что «один факт нахождения его в плену не может служить законным основанием ни для отказа от работы, ни для освобождения от работы...»¹⁶. Очевидно, что данное обращение является следствием письма И.А. Миронова на имя Н.М. Шверника.

По распоряжению Главного управления экономических вузов Министерства высшего образования СССР И.А. Миронова отправляют в Иркутский финансово-экономический институт (ИФЭИ) старшим преподавателем истории народного хозяйства СССР и зарубежных стран. По указанию отдела кадров Главкон-ВУЗа Миронов допускается к преподавательской деятельности по курсу истории народного хозяйства, но не по курсу политической экономии, которую он преподавал 12 лет¹⁷.

Прибыл он с семьей в Иркутск 10 февраля 1949 г., а с 11 февраля приступил к работе. Но, как свидетельствует выписка из приказа от 11 февраля 1949 г. № 13, зачисление его на должность старшего преподавателя с окладом 3 840 р. оформлено с 1 января 1949 г. Просьба оформить трудоустройство с 1 января содержится в заявлении Миронова на имя директора института. Он обосновывает просьбу тем, что переговоры о работе в иркутском институте начались еще в декабре 1948 г., однако решение вопроса затянулось по настоящее время. Директор института идет навстречу заявителю, несмотря на то что распоряжение Министерства высшего образования № 144 о направлении И.А. Миронова в ИФЭИ на должность старшего преподавателя истории народного хозяйства датировано 31 января 1949 г.¹⁸

Первые два года работы в институте проходили, судя по документам, сохранившимся в личном деле, относительно спокойно. Уже в

¹⁶ Письмо от 11 декабря 1948 г. № 69 начальнику Главного управления экономических вузов Министерства высшего образования М.Н. Ходжаеву от председателя Центрального комитета профессионального союза работников высшего образования и научных учреждений В. Смирнова // Личный архив Е.Г. Зинкова.

¹⁷ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-1813 (БГУЭП). Оп. 1. Д. 54. Л. 6, 8 (планы и отчеты о работе кафедры политической экономии. 05.07.1948–03.07.1954).

¹⁸ Удостоверение № 144 Главного управления экономических вузов Министерства высшего образования СССР о направлении И.А. Миронова с семьей в распоряжение Иркутского финансово-экономического института от 31 января 1949 г. // Архив БГУ. Личное дело Миронова И.А.

марте 1949 г. он активно включается в процесс обсуждения на кафедре кандидатской диссертации В.А. Новикова «Взгляды Чупрова на развитие русской промышленности»¹⁹. Достаточно активно занимается научной деятельностью. Пишет статьи «Значение И.Т. Посошкова в истории русской экономической мысли», «Борьба Посошкова с засильем иностранцев». Через год работы в институте он планирует написание докторской диссертации по теме «История коллективизации в Восточной Сибири». В рамках избранной темы публикует статьи «Работа В.И. Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 гг.» и ее значение», «Постановка и решение аграрного вопроса в работе В.И. Ленина «Развитие капитализма в России»»²⁰.

Однако не все так безоблачно. В его личном деле содержится несколько характеристик, тон которых позволяет судить о непростых отношениях, начавших складываться между И.А. Мироновым и администрацией института. В характеристиках за первые два года работы содержатся такие формулировки: «теоретически подготовлен», «лекции читает удовлетворительно», «за время работы... показал себя как опытный и знающий дело преподаватель», «в общественной жизни института участие принимает. Активно работал в качестве старшего агитатора на избирательном участке в предвыборной кампании по выборам депутатов в Верховный Совет СССР», «занимается научно-исследовательской работой»²¹.

Последняя позитивная характеристика датируется 13 июля 1951 г. В ее заключении отмечается: «Настоящая характеристика выдана т. Миронову для представления на конкурс в другой вуз». Очевидно, что речь идет о смене работы, а инициатива увольнения Миронова принадлежит руководству института. Руководство института мотивирует свою позицию в отношении Миронова тем, что не может обеспечить ему полную педагогическую нагрузку на полную ставку, поэтому хочет привлечь на чтение данного курса работника-совместителя на полставки²².

¹⁹ ГАИО. Ф. Р-1813 (БГУЭП). Оп. 1. Д. 33. Л. 50 (протоколы заседаний кафедры политической экономии. 05.05.1946–12.03.1954).

²⁰ Там же. Д. 54. Л. 26, 69, 105, 110 (планы и отчеты о работе кафедры политической экономии. 05.07.1948–03.07.1954).

²¹ Характеристики на старшего преподавателя кафедры «Политическая экономия» ИФЭИ Миронова И.А. от 6 октября 1949 г., 9 мая 1950 г., 1 июля 1950 г., 24 февраля 1951 г., 13 июля 1951 г. // Архив БГУ. Личное дело Миронова И.А.

²² ГАИО. Ф. Р-1813 (БГУЭП). Оп. 1. Д. 54. Л. 32).

Однако с этим решением не соглашается Министерство высшего образования СССР. В институт поступает решение за подписью начальника Главного управления экономических вузов страны И. Артеменко от 14 июля 1951 г. № ЭК-12-15/к3528: «Главное управление экономических высших учебных заведений не находит оснований для освобождения от работы тов. Миронова И.А. Используйте его на педагогической работе в соответствии со штатным расписанием и фактической нагрузкой»²³. Подобное решение могло быть вынесено только в случае несогласия Миронова со своим увольнением и его обращением в министерство.

Дирекция вынуждена подчиниться. Миронов пишет рапорт на имя директора: «...я явился из отпуска 27 августа 1951 г. и приступил к исполнению своих обязанностей».

Тон характеристик на Миронова после этого меняется. В характеристику от 20 января 1953 г. за подписью директора института вписано рукой: «В общественной жизни института участия не принимает, а разовые поручения выполняет неохотно»²⁴.

Через два года предпринимается попытка увольнения Миронова с опорой на решение расценочно-конфликтной комиссии от 23 июня 1953 г. На комиссии рассматривалось заявление директора института В.Я. Поляченко, который заявил, что Миронов «предлагал ему взятку за оказание поддержки, а главному бухгалтеру взятку — за увеличение подъемных для перемещения семьи». Подобный документ является свидетельством, что конфликт у Миронова был непосредственно с дирекцией института. Комиссия принимает решение о непригодности Миронова для работы в качестве преподавателя института. На основании этого решения издается приказ от 30 июня 1953 г. № 50 об освобождении Миронова с 1 июля 1953 г. от работы в институте по ст. 47 (п. «в») КЗОТа (данный пункт говорит об увольнении «в случае обнаружившейся непригодности нанявшегося к работе», причем расторжение договора в случаях, указанных в п. «в», может последовать не иначе как по решению расценочно-конфликтной комиссии)²⁵.

Миронов обращается в Народный суд 4-го участка г. Иркутска, который не находит

²³ Архив БГУ. Личное дело Миронова И.А.

²⁴ Характеристика на старшего преподавателя кафедры «Политическая экономия» ИФЭИ Миронова И.А. от 20 января 1953 г. // Там же.

²⁵ Протокол заседания РКК Фининститута о 23 июня 1953 г. // Там же.

оснований для его увольнения. Дирекция вынуждена отменить свой приказ. Приказом от 15 августа 1953 г. № 72 он восстановлен на работе с предоставлением отпуска²⁶. 17 сентября Миронов возвращается из отпуска и приступает к своим обязанностям.

На следующий год Миронова в соответствии с приказом от 2 июля 1954 г. освобождают от работы в институте как не прошедшего конкурс в связи с решением ученого совета института от 1 июля 1954 г. В деле есть выписка из протокола счетной комиссии, согласно которой не рекомендовала Миронова к избранию на должность старшего преподавателя конкурсная комиссия. Из 16 членов совета 13 чел. решение конкурсной комиссии поддержали, один воздержался и один проголосовал против, один бюллетень был испорчен²⁷. В характеристике за подписью директора ИФЭИ Поляченко от 12 июня 1954 г. утверждается, что Миронов «знает преподаваемый им курс, но не владеет методикой преподавания»²⁸.

Миронов не сдаётся и вновь обращается в Главное управление экономических вузов Министерства высшей школы страны. По его заявлению Управление отменяет конкурс по кафедре политической экономии и приказ об освобождении Миронова от работы. Он возвращается из Москвы 31 августа и в этот же день пишет рапорт директору ИФЭИ, в котором, ссылаясь на решение Главка, просит оформить его восстановление на работе приказом. Приказ № 91 о его восстановлении издается на следующий день²⁹.

По окончании учебного года Миронова ждало еще одно испытание. В деле содержится докладная декана ФЭФ доцента Якимчик от 25 июня 1955 г. о том, что на экзамене по истории народного хозяйства «студентка Олейникова отвечала по шпаргалке». В этот же день издается приказ, в котором уже утверждается, что «из 7 студентов трое имели шпаргалки», «экзаменационных билетов оказалось 34 вместо 33». Кроме того, ему предъявляются претензии в завышении оценок. Миронову объявляется строгий выговор и выносится предупреждение, что

при повторении подобных случаев он будет освобожден от работы³⁰.

Однако увольняют его в 1956 г. по другим основаниям. 25 февраля на XX съезде КПСС прозвучал известный доклад Хрущева о культе личности Сталина. Несгибаемая принципиальность и убежденность Миронова проявились практически сразу. Выступая на занятиях перед студентами, он заявил, что «содержание доклада тов. Хрущева соответствует духу фашистских листовок, которые распространяли фашисты в годы Великой Отечественной войны». Миронов призвал студентов не верить этому докладу. С ним пытаются провести профилактическую беседу о «неправильных высказываниях по поводу доклада тов. Хрущева». Однако Миронов свое мнение не меняет. После этого Ивана Андреевича отстраняют от занятий. Поскольку дело приобретает политический характер, помочь И.А. Миронову уже не может ни суд, ни Министерство высшей школы.

Позиция Миронова, судя по всему, не могла не вызвать уважение в коллективе. Дирекция также не заинтересована в громком скандале. Делается все возможное, чтобы увольнение Миронова прошло без лишнего шума и при смягчающих обстоятельствах. В характеристике, направленной на имя секретаря Иркутского обкома КПСС В.Н. Кобелева, отмечается, что Миронов «за время работы с порученной работой справлялся, до 1954 г. принимал участие в общественной работе». Его выступление пытаются объяснить обострившейся болезнью, подключают семью к его спасению. Согласно заявлению руководства института, «семья Миронова обратилась в медицинскую врачебную комиссию для освидетельствования его на предмет получения пенсии по нетрудоспособности»³¹. Характеристика на Миронова для медицинской комиссии также выдержана в уважительном тоне: «Как преподаватель тов. Миронов И.А. подготовлен и к работе относился добросовестно, принимал участие в общественной работе»³². Нет сомнений, что годы, проведенные в тылу, серьезно подорвали здоровье И.А. Миронова. Однако в данном случае состояние его здоровья явля-

²⁶ Приказ № 72 по Иркутскому финансово-экономическому институту от 15 августа 1953 г. // Архив БГУ. Личное дело Миронова И.А.

²⁷ Выписка из заседания Совета Иркутского финансово-экономического института от 1 июля 1954 г. // Там же.

²⁸ Характеристика на старшего преподавателя кафедры «Политическая экономия» ИФЭИ Миронова И.А. от 12 июня 1954 г. // Там же.

²⁹ Приказ № 91 по Иркутскому финансово-экономическому институту от 2 сентября 1954 г. // Там же.

³⁰ Приказ № 82 по Иркутскому финансово-экономическому институту от 25 июня 1955 г. // Архив БГУ. Личное дело Миронова И.А.

³¹ Секретарю Иркутского обкома КПСС т. Кобелеву В.Н. Характеристика на старшего преподавателя ИФЭИ, кандидата экономических наук Миронова И.А. от 24 апреля 1956 г. // Там же.

³² Характеристика на старшего преподавателя кафедры «Политическая экономия» ИФЭИ Миронова в медицинскую комиссию // Там же.

лось поводом, но не причиной увольнения из института.

4 мая 1956 г. врачебно-трудовая экспертная комиссия освидетельствовала Миронова. В соответствии с ее актом он «признан инвалидом первой группы... Причина инвалидности заб. общее. ...Нуждается в опеке»³³. С 3 мая 1956 г. он освобождается от работы в связи с переводом на инвалидность.

Последним документом в личном деле Миронова является его заявление от 10 августа 1956 г. на имя директора ИФЗИ с просьбой выдать ему в связи с освобождением от работы его документы и копию справки о работе в институте.

В личном архиве И.А. Миронова сохранились документы, которые свидетельствуют о сохранявшемся интересе к нему как к узнику Освенцима и соратнику Д.М. Карбышева. Одним из таких свидетельств является письмо М.К. Шевчука от 5 ноября 1963 г. В нем сообщается о решении создать художественный фильм о генерале Д.М. Карбышеве. Источников о нахождении Карбышева в плену было совсем мало, поэтому он просит Миронова прислать ему свои воспоминания и обещает использовать их только с согласия автора. Автору письма Главное политическое управление Советской Армии поручило оказать помощь в создании фильма³⁴. Следует отметить, что свои воспоминания о Карбышеве И.А. Миронов заканчивает незадолго перед этой просьбой, 21 июля 1962 г.

Обращались к Миронову и по другим вопросам. В его личном архиве сохранилось обращение Розенфельд Бетти Лазаревны. Она пишет, что с 1942 г. считала своего сына погибшим, но в 1957 г. увидела кадры фильма «Освенцим», снятого в 1945 г., на которых узнала своего сына. Экспертиза подтвердила данный факт. Б.Л. Розенфельд просит сообщить что-либо о ее сыне, если тот ему был известен³⁵. О Миронове она узнала в Коми-

тете ветеранов Великой Отечественной войны. Там хранились адреса выживших узников Освенцима.

Непростая судьба человека из непростой эпохи сложилась из многих вех. Революция и новый строй, которые молодой Иван Миронов принимает и как преподаватель политической экономии помогает идеологически утверждать. Война ломает научную и педагогическую карьеру, а ополчение и плен предъявляют высокие требования к образу поведения и стойкости. Миронов сохраняет убежденность в правоте и справедливости советского строя, не скрывает своей позиции в плену. Именно это сближает его с Д.М. Карбышевым, волей случая оказавшимся в одном лагере с ним. Документальных фактов о сопротивлении в плену не могло быть по понятным причинам. Имеющиеся на сегодня воспоминания не позволяют усомниться в том, что И.А. Миронов являлся одним из активных членов Сопротивления, которое приобрело черты организации после перевода в лагерь Д.М. Карбышева.

Непросто складывалась судьба этого человека после войны. Отношение к людям, находившимся в плену, формировалось в векторе оценки «друг — враг». После столь кровопролитной войны, которая в той или иной степени затронула каждую семью, сложно было уравнивать в любом коллективе тех, кто пришел с фронта, с теми, кто всю войну провел в плену. Думается, это основная причина непростых отношений, которые складывались у Миронова в Самарканде, Саратове, Иркутске. Нужно отдать должное его характеру и бойцовским качествам, которые в конечном итоге позволяли ему оставаться на поприще преподавательской деятельности. Принципиальность и стойкость И.А. Миронова особенно ярко проявились в его реакции на оценку деятельности Сталина в докладе Н.С. Хрущева. Возможно, подобная жизненная стойкость И. Миронова во многом основывалась на примере твердости и убежденности, которые сохранял до конца своей жизни его соратник по Освенциму Д.М. Карбышев.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сонич Г.Ф. Иркутская государственная экономическая академия (исторический очерк) / Г.Ф. Сонич. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1996. — 288 с.
2. Суровцев И.Г. Реквием седьмой дивизии народного ополчения / И.Г. Суровцев // От Москвы до Днепра. — URL: <http://basmanvmo.ru/documents/От%20Москвы%20до%20Днепра.pdf>.
3. Нефедова И. Они с небес на нас глядят... / И. Нефедова. — URL: <https://www.kolyma.ru/index.php?newsid=6761>.
4. Решин Е.Г. Генерал Карбышев : докум. повесть / Е.Г. Решин. — 4-е изд., испр. — Москва : ДОСААФ, 1987. — 317 с.

5. Цветкова Н. В фашистских застенках : записки / Н. Цветкова, З. Лишакова, А. Тринда. — Минск : Госиздат БССР, 1961. — 279 с.

REFERENCES

1. Sonich G.F. *Irkutsk State Economic Academy (historical essay)*. Irkutsk State Economics Academy Publ., 1996. 288 p.
2. Surovtsev I.G. Requiem of the seventh division of the people's militia. *From Moscow to the Dnieper*. URL: <http://basmanvmo.ru/documents/От%20Москвы%20до%20Днепра.pdf>. (In Russian).
3. Nefedova I. *They are looking at us from heaven ...* — URL: <https://www.kolyma.ru/index.php?news-id=6761>. (In Russian).
4. Reshin E.G. *General Karbyshev. Documentary story*. 4th ed. Moscow, DOSAAF Publ., 1987. 317 p.
5. Tsvetkova N., Lishakova Z., Trinda A. *In fascist dungeons. Notes*. Minsk, Gosizdat BSSR Publ., 1961. 279 p.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: ShalakAV@bgu.ru.

Для цитирования

Шалак А.В. И. Миронов: узник Освенцима, соратник Д. Карбышева, преподаватель Иркутского финансово-экономического института / А.В. Шалак. — DOI 10.17150/2500-2759.2023.33(2).198-208. — EDN IKSFT // Известия Байкальского государственного университета. — 2023. — Т. 33, № 2. — С. 198–208.

Authors

Alexander V. Shalak — D.Sc. in History, Professor, Head of the Department of International Relations and Customs, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: ShalakAV@bgu.ru.

For Citation

Shalak A.V. I. Mironov: a Prisoner of Auschwitz, an Associate of D. Karbyshev, a Teacher at the Irkutsk Financial and Economic Institute. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2023, vol. 33, no. 2, pp. 198–208. (In Russian). EDN: IKSFT. DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(2).198-208.